

СКРЫТЫЕ МОТИВЫ В ЕВРЕЙСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ 2-й ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой искусствоведения
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Е. Шехтер*

В статье проанализированы особенности сюжетного ряда произведений еврейских художников России и роль метафоры при их разработке. Формирование повторяющихся мотивов гонения, апологии, двойной идентичности и умирания еврейского местечка рассматривается как характерная черта национального еврейского искусства.

The article analyses the peculiarities of plots of works by Jewish painters of Russia and the importance of metaphor in their development. Forming of repeating themes of persecution, apologia, ambivalent identity and dying of Jewish place is regarded as a national feature of the Jewish art.

Первые еврейские художники появились в России во 2-й половине XIX в., в эпоху сложения национальных художественных школ. Перед ними встала задача не только приобщиться к мировому художественному процессу, но и внести в него некую специфическую национальную струю. Идея служения своим соплеменникам через искусство и творчество, сложное правовое положение еврейской диаспоры способствовали политизированности еврейской темы в искусстве, склонности художников к публицистичности. Однако постепенно еврейские художники обращаются к метафоре, свойственной еще еврейской литературной традиции, их сюжеты утрачивают прямолинейную обличительность, унаследованную было от передвижников. Национальные черты в еврейском искусстве проявились не в этнографических зарисовках, но в определенных повторяющихся мотивах, часто скрывающихся за метафорой или, казалось бы, нейтральными сюжетами. Это мотив гонения, мотив апологии, мотив двойной идентичности и мотив умирания еврейского местечка.

Мотив гонения чаще решался в публицистично-обличающем ключе, как отклик

на притеснения и погромы. Особенно часто к этому мотиву обращались в период всплеска антисемитизма и погромных настроений в 1903–1906 гг. Безусловно, чаще погромные сюжеты встречаются у тех, кто бывал непосредственным свидетелем трагедий – у польских и литовских художников (Л. Крестина, М. Минковского, Л. Пилиховского). Художники Петербурга, за редкими исключениями («Опять на родине» М. Маймон, «После погрома» П. Геллер), более склонны были к иносказанию. Мотив гонений они представляли, обращаясь к картинам прошлого своего народа, вкладывая в исторические эпизоды современное содержание. У Исаака Аскназия тема погрома прозвучала в исторической картине «Потопление евреев в Полоцке при Иване Грозном в 1563 г.», М. Антокольский и М. Маймон тему гонений развили в сюжете преследования марранов¹ испанской инквизицией («Нападение инквизиции на евреев» М. Антокольского и «Марраны и Инквизиция в Испании» М. Маймона). В этих работах исторические костюмы лишь скрывали современный подтекст. Сравнение государственного антисемитизма с политикой инквизиции было очевидно для современников.

Художники еврейского Возрождения, М. Шагал и И. Рыбак, решают тему гонений через осмысление библейских образов в реалиях своего времени. У И. Рыбака в серии «Погром» (1918 г.) украинский всадник, вздевший младенца на копье, ассоциируется с воином царя Ирода при избивании еврейских младенцев. М. Шагал обращается к теме еврейского изгнания, мученичества в сюжетах «распятый» («Белое распятие» 1938 г., «Мученик» 1940 г. и др.) и, персонифицируя еврейство в образе распятого Христа, вынуждает зрителя искать того, кто играет роль жестоких римлян во вновь и вновь разыгрывающейся трагедии.

Своеобразным вариантом мотива гонения предстает мотив галута (изгнания): бредущие толпы евреев или старые, усталые люди с дорожными посохами и котомками символизируют долгие скитания в поисках родины, веками вьезшую неприкаянность. Этот мотив достаточно распространен и встречается у С. Гиршенберга, Л. Пилиховского, Л. Пастернака, М. Шагала и др.

В необычной форме мотив гонения появился у Л. Лисицкого в иллюстрации к «Хад гаде» («Козочке») – старинной народной песне, завершающей чтение Пасхальной агады². Используя одно из наиболее популярных толкований сюжета, художник представил козленка как олицетворение гонимого еврейского народа, символически противостоящего историческим врагам Израиля, которые последовательно гибнут во имя торжества Божественной справедливости. Несмотря на мрачность, этот сюжет содержал в себе надежду на воздаяние за претерпеваемые народом муки.

В то время как мотив гонения обычно выражен вполне определенно, мотив апологии напротив неявный и может скрываться за внешне нейтральными сюжетами. Однако апологетический сюжет может быть раскрыт через событийную подоплеку, уже неочевидную спустя столетие. Так, создание образов евреев, занимающихся ремеслом, являлось своеобразным ответом

на ходячие антисемитские представления о паразитизме еврейского населения³ и его нежелании заниматься производительным трудом. Обсуждение этого вопроса в прессе последней трети XIX в. нашло отклик в сюжетах еврейских художников.

Галерея портретов еврейских ремесленников, созданная И. Пэнном, представляет нам образ еврея-труженика, немолодого, даже и старого, жилистого и основательного, поглощенного своим ремеслом, сроднившегося с ним, – «Старый портной», «Часовщик». Серия тружеников еврейского местечка создана у И. Рыбака в грустной серии гравюр «Штетл»⁴. Мой разрушенный дом» (1923 г.). Художник собрал самые характерные образы, ассоциирующиеся с бытом еврейского местечка, и среди них самые распространенные профессии мелких торговцев и ремесленников-кустарей: портной, сапожник, шойхет⁵, точильщик ножей, стекольщик, спичечник, водовоз, клезмеры (музыканты).

В мотивах апологии художниками иногда используется прием смены ролей, заставляющий зрителей отказаться от стереотипов восприятия персонажей. Если рассмотреть парные барельефы Антокольского – «Еврейский портной» и «Скупой», – созданные еще в 1864 г., становится очевидным, что его персонажи словно поменялись местами. В роли зажиточного, считающего деньги ростовщика выступает русский персонаж, тогда как еврей представлен нищим тружеником-портным.

Апологетической стала и тема Христа в еврейском искусстве. Она также связана со сменой ролей: не Иисус, замученный евреями, но Иисус – еврей. Он предстает как проповедник, со всеми атрибутами принадлежности к своему народу: в таллите с зизитами⁶ и в ермолке (каппеле), иногда и с тфиллином⁷ на голове, имеющий характерно еврейские черты лица и пейзажи. У Антокольского в скульптуре «Esse homo» Иисус – борец с насилием и рабством еврейского народа, как и его предшественник – Моисей⁸. М. Шагал также представляет

Христа как еврея и как своеобразную персонификацию всех евреев – жертв гонений, будь то смута Гражданской войны или Холокост времен фашизма («Соппротивление», «Возрождение» 1937–1938 гг.).

Двойная идентичность была фактом жизни каждого еврейского художника. Им приходилось не только менять среду при переезде в столицу, но и переходить на другой язык, привыкать к другому ритму жизни, а главное – постоянно вспоминать о своей чужеродности. К примеру, сюжет «Инквизиции» содержит в себе не только мотив гонения, но и мотив двойной идентичности, связанный с личным опытом автора. Ведь в основе сюжета – постоянно повторяющаяся трагедия двойственности существования в чуждой культурной среде, вынужденной тайности истинной национальной и религиозной жизни. М. Антокольский, еще в 1868 г. создавший эскизный вариант барельефа «Нападение инквизиции на евреев», вкладывал в этот сюжет идею внутренней свободы, способности бесстрашно сохранять свою истинную сущность, невзирая на внешние обстоятельства. Символом, указывающим на идею свободы, было празднование именно Песаха – праздника освобождения от египетского рабства и обретения иудеями Земли обетованной. В контексте обстоятельств жизни евреев в России образ разрушенного таинства праздника напоминал и об утраченной Палестине, и о надеждах на возвращение в нее (весьма актуальных в еврейском обществе конца XIX в.). Позднее мотив двойной идентичности утратит свой трагический облик и проявится в различных вариантах изображения человека, стоящего ногами на двух берегах одной реки или между ними, на одном берегу которой

характерный пейзаж штетла, а на другом – церковь (иллюстрации Э. Лисицкого к «Ингл-цингл-хват», М. Шагал «Двойной портрет с бокалом вина»).

Мотив умирания местечка метафорически отражается в образах повисших на петлях, сорванных дверей, перекошенных, разваливающихся домов. Эти образы почерпнуты художниками с древних еврейских надгробий, где разрушенный дом символизировал тело, покинутое душой. Метафорой нависшей над местечком угрозы служат также нависающие палки колодезных «журавлей». Огромное место в творчестве художников еврейского Возрождения занимает тема похорон и изображение кладбищ, подступающих к самым домам местечка. Еврейские художники начала XX в. словно бы устроили в своем творчестве символические «похороны местечка»⁹, своеобразного замкнутого мирка, уходящего под напором новых реалий жизни. Шагал в картине «Ворота кладбища» (1917 г.) вложил в образ кладбища иной смысл. Используя в еврейской надписи на воротах текст пророчества Иезекииля «о сухих костях», произнесенного во времена вавилонского плена, художник, как когда-то пророк, уподобил жизнь еврейства в России пребыванию в могиле или в вавилонском рабстве, указав на обретение новой жизни при возвращении в Землю обетованную. Однако смысл, вложенный в произведение автором, мог быть понятен лишь знающим иврит.

Таким образом, можно констатировать, что метафора, читаемая лишь представителями определенной культуры, порожденная ментальностью народа, создала ту духовную территорию, которая стала точкой опоры для народа, лишенного собственной страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марраны – насильственно крещенные в Испании и Португалии евреи и их потомки, сохранившие верность иудаизму.

² Аггада – сборник молитв, толкований Библии, включающий сценарий ритуальных действий и заповедей праздника Песах.

³ Казовский Г. Еврейские художники в России // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3 (10). С. 179.

⁴ Штетл – местечко, поселение полугородского типа в Восточной Европе с преобладающим еврейским населением и характерным укладом жизни.

⁵ Шойхет – специально обученный мясник, готовящий кошерное мясо.

⁶ Таллит с зизитами (цицит) – еврейское молитвенное облачение с кистями по четырем углам.

⁷ Тфиллин – маленькие черные кожаные коробочки, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Пятикнижия и закрепляемые на лбу и левой руке во время молитвы.

⁸ Письмо Мамонтовой Е. Г. № 96, Рим, 1874 // Марк Матвеевич Антокольский. СПб, 1908. С. 129.

⁹ *Сморгунова Е.* Марк Шагал и его Витебск // Канон и свобода. Проблемы еврейского пластического искусства. М., 2003.